

«ДЕТСКИЙ ВОПРОС»: ИЗДЕРЖКИ НА МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ В РОССИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ*

М. И. Левин, Н. В. Шилова

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики

Поступила в редакцию 17 сентября 2011 г.

Аннотация: *низкие показатели рождаемости в России и западноевропейских странах ставят перед государствами сложные задачи: выяснить, какими соображениями руководствуются люди, отказывающиеся от рождения первого или последующих детей, а также понять, какими мерами можно их стимулировать для увеличения числа детей в семье. В данной статье показано, что, как и в Европе, очень большое значение здесь имеют косвенные издержки родителей, причем в России под родителем подразумевается именно мать. Однако для России вероятность завести детей тесно связана с типом населенного пункта, что в данном случае означает разницу в доходах и разницу в налаженности системы внешнего ухода за детьми.*

Ключевые слова: *расходы на детей, рождаемость, занятость матерей.*

Abstract: *markedly low fertility rates in Russia and western European countries are real challenges for these states. The governments should determine what considerations guide the people who refuse giving birth to their first or subsequent children, as well as the should understand what measures they can encourage parents to increase the number of children. The following paper shows that, as in Europe, it is very important in Russia to take into account indirect costs of children, and in Russia a parent who is meant in this situation is the mother. However, for Russia the possibility to have children is very closely related to the type of locality, which in the case of our country also means the difference in income and the difference in the established system of external child care.*

Key words: *cost of children, fertility in Russia, mothers' labour supply.*

Классические экзогенные модели роста, основанные на работах Солоу [1], предполагают, что рост населения оказывает отрицательное влияние на экономический рост; модели эндогенного роста, например, по Romer [2] и Lucas [3], наоборот, – предполагают положительный эффект. Последние эмпирические исследования, тем не менее, доказывают, что рост конкретно квалифицированной рабочей силы обычно оказывает положительное влияние на макроэкономические показатели роста экономики страны. Можно предполагать, что в странах, где на образование детей тратятся семьями большие деньги и где качество образования каждого индивида достаточно высоко, стимулирование рождаемости приведет к положительным экономическим последствиям. Снижение же рождаемости, сопровождаемое ростом расходов на каждого ребенка, связано с риском снижения роста национального дохода.*

* Работа написана по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Расходы на маленьких детей в России и Франции», проект 10-02-00701а/ЧЕЛ), а также при финансовой поддержке Научного фонда НИУ-ВШЭ.

В статье использованы результаты расчетов, представленные студенткой О. Кудиновой по данным опроса ФОМ (2010 г.).

© Левин М. И., Шилова Н. В., 2011

В теории экзогенного роста, основанной Солоу [1], предполагается, что норма сбережений есть величина фиксированная. В таком случае рост населения понижает ВВП на душу населения, зависящий от нормы сбережения. С ростом населения соотношение между двумя факторами производства – капиталом и трудом – падает, производительность труда и, следовательно, заработная плата тоже уменьшаются. Население беднеет. Предсказания экзогенных моделей роста, однако, осложняются логическими проблемами: в соответствии с Солоу, непрерывное сокращение численности населения будет чрезвычайно стимулирующим фактором роста ВВП, даже если численность населения будет стремиться к нулю. Более того, полученные в модели результаты не соответствуют наблюдениям, в том числе и тем, что можно было сделать в Европе XVIII и XIX веков, где быстрый рост населения шел рука об руку с ростом ВВП на душу населения, особенно в период индустриализации [4; 5]. Как показал позже Boserup [6], дефицит продовольствия в период роста численности населения становится мотором для инноваций в сельском хозяйстве. Новые методы, разделение труда и специализация приводят к распространению сельскохозяйственных знаний и интенсификации сельскохозяйственного

производства («зеленой революции») [7]. Таким образом, рост населения стимулирует инновации в связи с ресурсными ограничениями, поскольку повышают производительность труда. Эндогенные модели роста как раз и добавляют в модель экономического роста человеческий капитал как третий фактор производств. Эрроу [8], например, определяет технический прогресс в качестве ключевого элемента экономического роста. Phelps [9] подчеркивает, что продолжение обучения каждого работника дает положительные внешние эффекты, связанные с эффектом «перелива», когда обученный работник передает знания коллегам, что приводит к экономии на масштабе. Следовательно, отдача на человеческий капитал не может рассматриваться как снижающаяся, особенно когда речь идет о высококвалифицированных работниках. Phelps продолжает, что в условиях постоянной или возрастающей отдачи человеческого капитала происходит его «накопление», выливающееся в технический прогресс [9]. В этом контексте не только образование само по себе, но и рост фертильности могут быть экономически выгодны – такое сочетание факторов будет стимулировать научно-исследовательскую работу. Кроме того, чем выше плотность населения, тем быстрее передача технологий и обмена знаниями внутри страны [10]. Тем не менее, несмотря на всю их привлекательность, модели эндогенного роста также содержат логическую проблему: постоянный рост населения всегда будет стимулировать экономический рост, даже если численность населения будет стремиться к бесконечности. Существует ряд дополнительных аргументов против бесконечного роста рождаемости, которые принимают во внимание и другие аспекты, как, например, динамику возрастной структуры, пенсионное обеспечение и экологические соображения. Один из аргументов связан с тем, что: с ростом населения становится все больше и больше людей преклонного возраста. С одной стороны, старение населения может привести к росту сбережений, что предполагает рост ВВП на душу населения [11], с другой – старение населения ляжет тяжелым бременем на систему здравоохранения и пенсионного обеспечения [12].

Эмпирический анализ связи роста рождаемости и экономического роста сталкивается с проблемой эндогенности первого. С одной стороны, увеличение ВВП на душу населения может увеличить рост численности населения, так как с увеличением доходов может вырасти спрос на детей так же, как он повышает спрос на товары. Это явление можно

наблюдать в основном в менее развитых странах. С другой стороны, увеличение ВВП на душу населения может привести к снижению рождаемости, потому что родители могут начать предпочитать вкладывать средства в качественное обучение каждого ребенка, а имея изначально достаточно высокую заработную плату, – воспринимать альтернативные издержки «сидения дома» гораздо более высокими (см., например [15]). Это явление можно наблюдать в основном в высокоразвитых странах на протяжении последней четверти XX в., где уровни рождаемости падали ниже уровня простого воспроизводства населения. Самые ранние эмпирические исследования на эту тему, проведенные с 1960-х до 1980-х гг., использовали МНК-оценки, что в данной ситуации в силу возможной взаимозависимости переменных неоправданно. Большая часть этих исследований, которые в основном сосредотачивались на изучении развивающихся стран, нашли положительное, но очень умеренное влияние роста населения на ВВП на душу населения [12].

Более поздние эмпирические исследования учитывают изменения возрастной структуры населения, поскольку возраст в большой мере связан с производительностью [13; 14]. Их общий результат состоит в том, что рост численности населения сам по себе не значим, но рост численности населения трудоспособного возраста положительно влияет на экономический рост. Что касается Западной Европы, там рост численности населения трудоспособного возраста оказывает положительное влияние не только на совокупный объем производства на душу населения, но и на выпуск на одного работника (производительность труда) [15]. Наибольший эффект роста трудоспособного населения в Западной Европе можно было наблюдать в 1980-х гг., когда достигло зрелости поколение бэби-бума. Кроме того, Prskawetz и др. [15] прогнозируют, что старение населения Европы (что подразумевает снижение численности населения трудоспособного возраста) будет негативно влиять на экономический рост европейских стран с 2030 г. В этом контексте нужно было бы говорить, что именно сбалансированность возрастной структуры населения вносит наибольший вклад в экономический рост, – конечно, если считать вслед за рассмотренными исследованиями, что именно рост ВВП на душу населения отражает рост благосостояния нации. А между тем при подсчете ВВП не учитывается домашний труд, поскольку работа по дому, воспитание детей и уход за членами семьи рассматриваются как противоположность рынку труда и,

следовательно, не имеют экономической ценности. При росте же количества детей (начиная с более чем двух детей на семью) один из членов семьи – как правило, мать, – выбывает из числа работающих, что также не учтено в рассмотренных моделях. ВВП не отражает также изменения качества жизни, не выраженные в материальных ценностях, но ведущие к росту общего благополучия людей. Однако очевидно, что рост числа детей в семье влияет на качество жизни родителей.

Итак, теоретические и эмпирические работы последних лет в основном говорят о том, что при условии инвестиций в человеческий капитал рост рождаемости есть один из факторов экономического роста. Поэтому для нашей страны было бы крайне важно выйти из демографической «ямы» за счет, в том числе, увеличения рождаемости.

Считается, что спрос на детей, как и спрос на потребительские товары, определяется выгодами и издержками от рождения каждого следующего ребенка. Такая модель была предложена Г. Беккером [16]. В основе этой модели лежит идея о том, что дети представляют собой особый тип товара – долгоживущий актив, который производит потоки благосостояния, входящие в функции полезности родителей. Варьируя денежные пособия и налоговые льготы семьям с детьми, можно снизить частные издержки родителей на детей. Это снижение, как можно ожидать, оказывает положительное влияние на фертильность.

Действительно, расходы на детей имеют важное значение, однако выявить, что родители считают расходами на детей, не так просто. Необходимо также включить скрытые (неявные) затраты, связанные, например, с более высокой стоимостью жилья и пр. Все затраты на детей можно условно разделить на три большие группы:

1. Прямые затраты: на еду, одежду, уход за детьми, образование, жилье и пр.

2. Косвенные затраты: потеря дохода от трудовой деятельности из-за временного ее прекращения. Сюда же можно отнести потерю карьерных возможностей и задаваемый работодателями гендерный разрыв в средней заработной плате, являющийся, по сути, страховкой работодателя от возможного выхода работницы в декретный отпуск. Сюда же могут быть включены, например, расходы, связанные с потерей части будущих пенсионных прав.

3. Также косвенные издержки, но на более высоком уровне, чем семья. В эту категорию можно отнести издержки, которые крайне сложно оценить, но ими нельзя пренебречь. Например, как в случае

с российскими реалиями, сюда можно отнести отсутствие достаточных мест в детском саду. Как будет показано ниже, это имеет отрицательное воздействие на предложение рабочей силы, в том числе и квалифицированных женщин, и, следовательно, может препятствовать экономическому росту. Тот же самый дефицит отрицательно сказывается на фертильности, препятствуя принятию женщинами решений о рождении ребенка, что снова, как уже было сказано выше, отрицательно скажется на экономическом росте. Дефицит в системах здравоохранения или образования может быть разрушительным для будущего человеческого капитала, как и для передачи культурных ценностей и правил поведения, существующих в обществе, поскольку система среднего образования в основном направлена на содействие социально-когнитивному развитию детей и подготовку к их будущей интеграции в общество [17–19].

В исследовании «Евробарометра» в 2006 г. выяснилось, что наличие детей в европейских странах обусловлено наличием поддержки партнера, а также участием партнера в уходе за ребенком и выполнении других домашних обязанностей. Так, если вклад обоих партнеров считается необходимым для хорошей семейной жизни, то следует заметить, что страны, в которых отдается предпочтение большой семье, – это те, которые более либеральны с точки зрения гендерных ролей в семейной жизни. Хорошее здоровье является также важным условием в процессе принятия решения о рождении ребенка. Но помимо отсутствия партнера крайне важным фактором, способствующим откладыванию принятия решения о рождении детей или отказе от их рождения, является страх изменения жизненных приоритетов [20]. Например, страх не быть в состоянии поддерживать прежний уровень жизни был третьей по значимости причиной, которую указывали немецкие респонденты (ВІВ, 2007). Они были убеждены, что в случае роста количества детей до более чем двух они не смогут уже так же интенсивно путешествовать, а одному из членов семьи с большой вероятностью придется забыть про карьеру. Мы считаем, что такие издержки нужно также отнести ко второй группе издержек.

В европейских странах проблема снижения рождаемости решается по-разному: от выплат прямых государственных субсидий на детей до расширения сети детских досуговых и учебных центров.

Среди наиболее значительных исследований по оценке воздействия прямых денежных субсидий

можно назвать работу Blanchet and Ekert-Jaffe [21], в которой исследовано влияние семейных пособий на уровень фертильности в 11 развитых странах за 1970–1983 гг. Результатом работы Gauthier и Hatzius [22] (22 страны ОЭСР за период 1970–1990 гг.) стал вывод о том, что прямые денежные выплаты имеют положительное влияние на уровень фертильности, хотя и небольшое. Они также рассмотрели различия в эффективности политики субсидирования и нашли, что наибольший эффект льготы оказывают на принятие решения о рождении первого ребенка. Один из их выводов состоял в том, что ориентация на третьего ребенка, как это делается во Франции, вряд ли приведет к увеличению рождаемости. Однако если говорить в целом, эффект все рано невелик, так как по оценке указанных авторов, 25%-ное увеличение семейных пособий приводит к повышению фертильности примерно на 0,07 ребенка на одну женщину.

В отличие от этого, Castles [23] выяснил, что наибольшее влияние на увеличение рождаемости оказывает как раз создание соответствующей сети детских дошкольных учреждений. Del Boca и др. [24] также проверили влияние различных государственных программ – от выделения различного по длительности родительского отпуска до семейных пособий и от гибких условий труда до рынка труда. Их результаты исследования показали, что ничтожно малая часть различий в фертильности для женщин из шести европейских стран (включая Францию) может быть связана с характеристиками этих институтов, но воздействие значительно изменяется в зависимости от уровня образования в семье. Доступность учреждений по уходу за детьми и дополнительный отпуск по уходу за ребенком имеют больший эффект для семей с невысоким уровнем образования. С другой стороны, соответствующая политика на рынке труда, такая как предоставление возможности работать неполный рабочий день, имеет большее влияние на женщин с высшим образованием. Во всех случаях эффекты выше для предложения рабочей силы со стороны матерей, чем для собственно рождаемости.

В связи с этим мы попытались выяснить, как оценивают затраты на детей российские женщины и насколько важно для них вернуться к работе (начать работать) после рождения ребенка. Для анализа поставленной задачи были использованы данные опроса матерей дошкольников, проведенного Фондом общественного мнения в декабре 2010 г. В выборку включены 105 населенных пунктов, (из них 50 городов, 10 поселков городского типа и 45 сельских населенных пунктов), 43 субъ-

екта РФ. Общий размер выборки составил 300 респондентов. Опрашивались матери (приемные матери, мачехи), имеющие как минимум одного ребенка в возрасте до шести лет включительно.

Средний возраст женщины в выборке составляет 30 лет (в выборку попали женщины от 18 до 45 лет, в среднем имеющие среднее профессиональное или незаконченное высшее образование). 84 % опрошенных женщин состоят в браке (в том числе в незарегистрированном), 40 % работают и еще 30 % находятся в декретном отпуске. По данным опроса, средний доход всего домохозяйства за предшествовавший опросу месяц составляет 23 300 руб., а среднее число членов этих домохозяйств – 4 человека.

Таким образом, типичный представитель выборки – это замужняя женщина 29 лет, имеющая среднее специальное образование и одного ребенка, работающая или находящаяся в декретном отпуске.

Проверка репрезентативности выборки не являлась задачей данного исследования, однако стоит отметить, что выборка имеет смещение в сторону более образованных людей. Эту информацию надо учитывать при интерпретации полученных результатов.

Эконометрический анализ показал, что:

1. Возраст матери, количество маленьких детей и душевой доход домохозяйства влияют на долю затрат на внешний уход (вне дома) положительно. Всё здесь достаточно понятно объясняется, и единственное, что следовало бы уточнить, – это почему же положительное влияние оказывает душевой доход. С ростом дохода расходы на внешний уход за ребенком растут быстрее, чем общие расходы на ребенка.

Если дома живут много взрослых, то ребенка можно чаще оставлять на них и не тратить деньги на внешний уход (к примеру, детский сад или няню). Среднее образование матери, вероятно, конкурирует с высшим образованием. В свою очередь, чем женщина образованнее, тем вероятнее она будет работать, и, следовательно, ей придется пользоваться услугами внешнего ухода за ребенком. В данном же случае именно из-за конкуренции среднего и высшего образования, среднее образование отрицательно влияет на долю расходов на внешний уход. Отрицательное же влияние величины помощи властей на рассматриваемую долю говорит о том, что если семья получает помощь, то мать, возможно, может сама сидеть дома с маленьким ребенком (может позволить себе не работать, пока ребенок маленький).

2. Доля расходов на медицину в общих расходах на ребенка положительно зависит от числа взрослых в домохозяйстве, месячного дохода в расчете на одного члена домохозяйства и от величины помощи, оказываемой властями. Возможность оставить с кем-то ребенка и труднодоступность садиков влияют на данную долю отрицательно.

3. Что касается расходов на образование, то было выяснено, что чем меньше населенный пункт, тем ниже доля расходов, направляемых на образование, и что высшее образование матери в общем случае увеличивает долю расходов на образование ребенка.

4. Теперь перейдем к доле расходов на развлечения в доходе. Доля этих затрат в доходе увеличивается с возрастом матери. Среднее образование матери и высшее образование отца, а также величина помощи от властей оказывают отрицательное влияние на размер данной доли. Такое влияние образования может быть объяснено тем, что оно является некоторой прокси для дохода, а с ростом дохода знаменатель рассматриваемой доли растет. Что касается помощи на детей, то отрицательный знак при данной переменной говорит о том, что если семье оказывается помощь, то она ее тратит по назначению, а не на аттракционы. Семья решает другие, более серьезные проблемы. Кроме этого данный результат может означать, что мать находится в декретном отпуске, а младенцев развлекать не нужно.

Анализ желания женщины работать показал, что, во-первых, чем меньше населенный пункт и чем больше доля расходов на ребенка, тем больше «несклонность» женщины работать.

Наличие внешнего ухода и остаточный (без учета зарплаты матери) доход семьи в расчете на одного ее члена также имеют отрицательное влияние на «несклонность» женщины к работе, т.е. ведут к росту вероятности быть трудоустроенной. В общем, данные результаты согласуются с логикой и особенных объяснений не требуют: ведь действительно, если ребенок с кем-то остается, то стимулов не работать меньше; если детей много, то женщине придется за ними всеми следить, и стимулов работать будет меньше. Если без зарплаты женщины доходов на каждого члена семьи и так достаточно (грубо говоря, семья может себе позволить, чтобы мама сидела дома с детьми), то женщина не будет планировать работать.

При этом самым важным, на наш взгляд, является тот результат, что ни один из факторов, за исключением лишь влияния наличия внешней заботы, не влияет как-то особенно на решение женщины искать или не искать работу. Влияние же

наличия возможности внешнего ухода на вероятность того, что женщина ищет работу не планирует, в два раза больше, чем на вероятность того, что планы на работу у женщины есть.

Рассмотрим вероятность работать женщинам 30 лет со средней величиной семейного дохода и средней величиной расходов на ребенка, чей отец не имеет высшего образования. Данные женщины будут различаться по количеству и возрасту детей, по типу населенного пункта, в котором они проживают, и по наличию внешнего ухода за детьми. Ниже для данных женщин проводится сравнение вероятностей того, что они будут работать, в зависимости от места проживания и от пользования услугами внешнего ухода.

Так, для женщины с одним ребенком, которому меньше 6 лет, данные различия выглядят следующим образом (табл. 1).

Т а б л и ц а 1
Вероятность того, что женщина с одним ребенком будет работать, %

	Мегаполис	Средний город	Село
Внешний уход есть	97,5	90,5	74,8
Внешнего ухода нет	81,5	60,0	34,8

Вероятности для женщины с двумя детьми (один дошкольник) – табл. 2.

Т а б л и ц а 2
Вероятность того, что женщина с двумя детьми, взрослым и маленьким, будет работать, %

	Мегаполис	Средний город	Село
Внешний уход есть	94,2	82,3	61,1
Внешнего ухода нет	69,6	44,8	21,9

Вероятности для матери двух дошкольников (табл. 3).

Т а б л и ц а 3
Вероятность того, что женщина с двумя маленькими детьми будет работать, %

	Мегаполис	Средний город	Село
Внешний уход есть	89,9	73,6	49,5
Внешнего ухода нет	58,6	33,5	14,3

Из приведенных таблиц 1–3 видно, что наличие внешнего ухода увеличивает вероятность быть занятой для любой женщины (однако стоит отметить, что для всех этих женщин вероятность не иметь

планов о выходе на работу больше вероятности эти планы иметь). Кроме того, видно, что величина населенного пункта оказывает положительное влияние на вероятность матери быть занятой. Также, при прочих равных условиях, количество детей отрицательно сказывается на вероятности быть занятой. Причем два маленьких ребенка препятствуют занятости в большей степени, чем один маленький и один более взрослый ребенок. Можно также отметить, что у матери одного малыша, проживающей в мегаполисе и пользующейся услугами внешнего ухода за ребенком, наибольшая вероятность быть занятой – 97,5 %. А у матери двух маленьких детей, проживающей в селе и не пользующейся никакими услугами внешнего ухода, напротив, вероятность быть занятой самая маленькая и составляет всего 14,3 %. Также наличие внешнего ухода оказывает большее влияние на вероятность быть занятой в более мелких населенных пунктах.

Интерес для анализа представляет влияние расходов на ребенка на желание матери быть занятой. Стоит напомнить, что расходы на детей дошкольного возраста были включены в список независимых факторов, предположительно влияющих на занятость матери, в силу предположения об эндогенной фертильности, т.е. предположения о том, что родители сами, сознательно и рационально принимают решение о том, сколько детей им заводить. В согласии с данным предположением и идеями, высказанными Van Praag and Warnaar [25], издержки на детей в текущей работе не оценивались методом шкал эквивалентности, а оценивались прямо по результатам опроса о затратах на детей дошкольного возраста.

Для анализа влияния расходов на детей на занятость матери были определены три пороговых значения этих расходов. Первое значение соответствует 10 нижним процентам расходов – 4300 руб.; второе значение расходов медианное – 6500 руб.; и третье значение соответствует 10 % самых высоких расходов – 10 500 руб. Рассмотрена будет мама одного ребенка, проживающая в городе среднего размера и пользующаяся услугами внешнего ухода за ребенком – наиболее часто встречающаяся в совокупности мама (табл. 4).

Из таблицы видно, что рост расходов снижает вероятность того, что мать будет занята, и увеличивает вероятность того, что мать будет планировать выход на работу. При этом вероятность того, что она этот выход планировать не будет, тоже растет и для высоких затрат превышает вероятность планирования выхода. Этот результат может говорить о том, что когда у женщины есть маленький ребенок, она не может себе позволить выйти на работу, которая требует много сил и времени и соответственно высоко оплачивается. Судя по всему, расходы на ребенка в общем случае сопоставимы с доходами его матери, и мать становится более склонна к тому, чтобы быть незанятой и не планировать выход на работу. Именно поэтому рост расходов на ребенка дошкольного возраста выражается в снижении вероятности того, что мать будет занята.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы: наличие развитой системы «внешнего» ухода, уровень благосостояния и количество детей напрямую влияют на занятость матери, а значит и на принятие решения о рождении ребенка для бездетной женщины. Важно, однако, что мы использовали опрос именно российских матерей (в отличие от европейских исследований, не склонных делать такое деление по гендерному признаку). Матери опрашиваются «по умолчанию». Это означает, что в российском обществе именно им отводится роль принимающего решение о рождении, воспитании ребенка и взваливающего на себя обязанность заботы о нем. Последнее является одной из причин гендерного разрыва в средней заработной плате. При этом с ростом числа разводов и «традиции» укрывания доходов в целях невыплаты алиментов женщины с детьми становятся наименее защищенной частью общества с самыми высокими рисками попадания за черту бедности. В этой ситуации при планировании количества детей мать не может не учитывать, что в случае развода остаться с двумя и более детьми на руках – это почти гарантированная бедность. Действительно, в обществе укоренилось мнение о многодетных семьях как о крайне нуждающихся ячейках обще-

Т а б л и ц а 4

Распределение вероятностей быть занятой, планировать и не планировать выход на работу для матери одного дошкольника в зависимости от величины расходов на него, %

Расходы на ребенка, руб.	Вероятность		
	быть занятой	планировать (выход на работу)	не планировать
4 300	98,6	1,1	0,3
6 500	92,4	5,3	2,3
10 500	51,0	21,4	27,6

ства. Такое негативное отношение и само по себе может препятствовать принятию решения об увеличении числа детей в семье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Solow R. A Contribution to the Theory of Economic Growth / R. Solow // Quarterly Journal of Economics. – 1956. – P. 65–94.
2. Romer P. M. Increasing Returns and Long-Run Growth / Romer P. M. // Journal of Public Economy. – 1986. – Vol. 94, 5 (October). – P. 1002–1037.
3. Lucas R. The Mechanics of Economic Development / R. Lucas // Journal of Monetary Economics. – 1988. – Vol. 22. – P. 3–42.
4. Blanchet D. Conséquences macroéconomiques des évolutions démographiques / D. Blanchet // Démographie et Economie, Conseil d'Analyse Economique. – 2002.
5. Galor O. The Gender Gap, Fertility and Growth / O. Galor, D. N. Weil // American Economic Review. – 1996. Vol. 86. – P. 374–387.
6. Boserup E. The Conditions of Agricultural Progress / Boserup E. // Boserup A. and U. Population and Technological Change : A Study of Long-Term Trends. – University of Chicago Press, 1981.
7. Nerlove M. Endogenous population in models of economic growth / M. Nerlove, L. K. Raut // Rosenzweig M. R. and Stark O., eds. Handbook of population and family economics. – 1994.
8. Arrow K. J. The Economic Implications of Learning by Doing / K. J. Arrow // Review of Economic Studies. – 1962. – Vol. 29.
9. Phelps E. S. Models of Technical Progress and the Golden Rule of Research / E. S. Phelps // Review of Economic Studies. – 1966.
10. Lee R. D. Malthus and Boserup. A Dynamic Synthesis / R. D. Lee // Coleman and Schofield (eds.). The State of Population Theory. – Basil Blackwell, 1986.
11. Artus P. Le choix du système de retraite / P. Artus, F. Legros // Economica. – 1999.
12. Blanchet D. Modélisation démo-économique: conséquences économiques des évolutions démographiques / D. Blanchet // Travaux et Documents. – 1991. – № 130.
13. Brander A. L. The Role of Fertility and Population in Economic Growth: Empirical Results from Aggregate Cross-National Data / A. L. Brander, S. Dowrick // Journal of Population Economics. – 1994. – Vol. 7. – P. 1–25.
14. Bloom D. E. Cumulative causality, economic growth and the demographic transition / D. E. Bloom, D. Canning // Birdsall N., Kelley A. and Sinding S. (eds.). Population Matters : Demographic Change, Economic Growth and Poverty in the Developing World. – Oxford, Oxford University Press, 2001. – P. 165–197.
15. Prskawetz A. The Relationship Between Demographic Change and Economic Growth in the EU / A. Prskawetz, T. Fent, W. Barthel, J. Crespo-Cuaresma, T. Lindh, B. Malmberg and M. Halvarsson // Report for Tender. – 2006.
16. Becker G. An economic analysis of fertility / G. Becker // Demographic and Economic Change in Developed Countries. – Princeton, NJ: Princeton University Press and NBER, 1960.
17. OECD. Starting Strong : Early Childhood and Care, OECD. – Paris, 2001.
18. Kamerman S. Social policies, family types and child Outcomes in Selected OECD countries / S. Kamerman [et al.] // OECD working paper. – Paris, 2003.
19. Esping-Andersen G. Trois leçons sur l'Etat Providence» / G. Esping-Andersen // Seuil, coll. La république des Idées. – Paris, 2008.
20. Testa M. R. Childbearing preference and family issues in Europe / M. R. Testa // Report for the Eurobarometer. – 2006.
21. Blanchet D. The Demographic Impact of Family Benefits : Evidence from a Micro-Model and from Macro-Data / D. Blanchet, O. Ekert-Jaffé // Ermisch J., Ogawa N. (eds). The Family, the Market and the State in Ageing Societies. – Clarendon Press, Oxford. – 1994. – P. 79–104.
22. Gauthier A. Family benefits and fertility: an Econometric analysis / A. Gauthier, J. Hatzius // Population Studies. – 1997. – Vol. 51. – P. 295–306.
23. Castles F. The world turned upside down : below replacement fertility, changing preferences and family-friendly public policy in 21 OECD countries / F. Castles // Journal of European Social Policy. – 2003. – Vol. 13. – P. 209–227.
24. Del Boca D. Motherhood and Work : Labour Market and Social Policies / D. Del Boca, S. Pasqua, Ch. Pronzato. – Mimeo, 2007.
25. Van Praag B. M. S. The cost of children and the use of demographic variables in consumer demand / B. M. S. Van Praag, M. F. Warnaar // Handbook of Population and Family Economics. – 1997. – P. 241–273.

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики

Левин М. И., доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой микроэкономического анализа

E-mail: Mlevin05@gmail.com

Тел.: 8-906-036-64-81

Шилова Н. В., преподаватель

E-mail: nshilova@hse.ru

Тел.: 8-903-202-77-02

National Research University – High School of Economics

Levin M. I., PhD, Professor, Head of Microeconomic Department

E-mail: Mlevin05@gmail.com

Tel.: 8-906-036-64-81

Shilova N. V., Assistant Professor

E-mail: nshilova@hse.ru

Tel.: 8-903-202-77-02